

СУМАРОКОВ

<отрывок; разбор трагедии «Дмитрий Самозванец»>

Дмитрий Самозванец в 1771 году в первый раз представлен на императорском театре в Петербурге. Сия трагедия, кажется, была счастливее всех трагедий Сумарокова, чему без сомнения весьма много способствовал выбор содержания, как ближайшего к тому веку, всем знакомого и занимательного; потом не мало помогло самое искусство актеров, уже достигших до весьма важной степени совершенства. В это время составлена была довольно полная труппа, главою и красотою которой был почтенный Дмитревский, окруженный знаменитыми сотрудниками Волковым и Крутицким. Не почитаю нужным рассказывать здесь содержание трагедии Самозванца: оно всем известно, ибо ни одна трагедия, не только Сумарокова, но и других счастливых его последователей без сомнения не имела столько представлений, сколько Дмитрий Самозванец. Должно признаться, правда, что и стихотворство в сей трагедии более обработано, нежели в других пьесах восстановителя нашего театра. Есть монологи, которые, по крайней мере в представлении, производили и будут еще производить весьма сильное действие; даже набатный колокол в этой пьесе, как нечто напоминающее, может быть, о вечевом, играет довольно важную роль. Место действия, Кремль, Москва, потом бояры русские и время, в истории нашей столько важное, как переход от несчастного положения России к самому счастливейшему, низвержение злого тирана, которого память проклинается и церковью и обществом,— все это вместе весьма много способствовало тому, чтобы пьеса была одною из занимательнейших для публики российской. Мы теперь пробежим ее слегка и заметим важнейшие красоты и погрешности. Вся трагедия заключает в себе последний день низвержения тирана, из ничтожного состояния вышедшего, жестоко-лютого, ненавистного, в отчаянном положении находящегося. Вот с какой точки зрения должны мы судить о пьесе. Чего требует такое положение? Деятельности чрезвычайной во всех лицах — враждебных, дружественных и особенно в самом главном

характере. Кажется, это неоспоримо. Назовем всех действующих в трагедии: Дмитрий самозванец, Пармен — наперсник его, князь Шуйский, Георгий, Ксения, военачальник и стража.

Я сказал уже, что сия трагедия в продолжении многих лет была, так сказать, царствующая на нашем театре; ее все учили наизусть. Однако я смею сказать прямо, что она имеет гораздо более погрешностей, нежели какая-либо другая трагедия сего же автора. Вычислите все необходимые качества драмы — они все нарушены или пренебрежены. Вот непонятная странность в уклонениях всеобщего вкуса! Драма не может быть без действия, которое составляет ее душу. Какое действие в Дмитрие самозванце? Во всех пяти актах нет никакого. Дмитрий грозит муками, смертью, себя обрекает вечно жертвою геенне; ни он не действует, ни против него не действуют, ибо из рассказа начальника стражи, три раза на сцену приходящего, только знаем, что чернь бунтует, приближается к Красному крыльцу, входит в государевы комнаты; но никто не отражал ее. Кажется, будто хотел Дмитрий между прочим жениться на Ксении и отравить свою супругу; но не видим, чтоб сие намерение произведено было в действо каким-либо образом: он погибает не от других, но сам собою. Итак, содержание сей трагедии следующее: *тиран сердился, бранился и с досады наконец убил себя*. Это мог бы он сделать и в первом действии и даже в первом явлении, — все бы было равно. Драма должна иметь единство действия. Какое требовать единства, где нет ничего! Далее, должны быть сохранены еще единства *времени и места*. В рассуждении времени, кажется, действие началось по утру и оканчивается в полночь, когда Самозванец в самых ужасах бунта заснул и пробужден был мечтами грозными, а особливо набатным колоколом, возвестившим последний час его. Судя по сему, можно бы сказать, что единство времени соблюдено, если бы только что-нибудь действовало; но, говоря о сей трагедии, надобно сказать, что оно *потрачено* и, соответственно правилу Аристотелеву, точно *потрачено не более одного дня*: в этом прав Сумароков более, нежели в рассуждении *места*. В целой пьесе одна декорация, одна зала. Автор, конечно, таким образом весьма много услуживает содержателям театра, избавляя их от издержек, но несколько обижает наше честолюбие: оң думал, что мы столько незамечательны, столь легковверны и просты, что можем поверить тому, чего никак быть не могло; наприм. будто мы поверим, чтобы разговор Самозванца с Парменом, приемная зала, тронная, опочивальная царская, кабинет, где совещает он о тайных делах государственных, и *комната*, где Ксения видится с своим Георгием, с Димитрием и Шуйским, одним словом, где она живет и отправляет свой туалет, где начинается против Самозванца

заговор и где сидит она под стражею,— чтобы все это происходило в продолжение столь критического времени не только в одном дворце, но и в одной и той же зале. Прибавьте к тому неизвестность мучительную, откуда и как кто являлся, и почему выходил на сцену, или уходил с нее. Особенно очень странно видеть Ксению одну, даже без наперсницы, в чертогах столь развратного и свирепого тирана, видеть ее вместе с Георгием, изъясняющихся весьма нежно в своей страсти, и Шуйского, опаснейшего врага Самозванцу, в его комнате, в его, так сказать, глазах разглагольствующего о существующем заговоре, дающего советы Ксении и Георгию, объявляющего скорую гибель тирану. Все лица похожи на китайские тени, переходящие, переносимые совершенно безвинно из одной кулисы за другую по мановению деспотического прутика стихотворца, который освободил себя от всякой даже малейшей ответственности природе и строгому рас судку.

Действие трагедии должно быть *героическое*; цель важная, усилия необыкновенные, страсти высокие, способности душевные блистательные, добродетели или пороки в значительной степени великости. Какая цель у героев сей трагедии? Не знаю! Шуйский нигде не говорит о намерении своем приобретать трон; Дмитрий не боится потерять его и, нимало не удерживаясь от злодейств, кажется, для забавы беседует об аде и геенне. Никто ничего не делает и не знает, для чего не делает; страстей также нет: ибо если бы точно любил Дмитрий или юную Ксению, или самого себя, то бы видно было, что он стремится к цели, то есть или к обладанию княжной, или к сохранению трона. Какой характер Самозванца? Зол ли он? Правда, что он так о себе сказывает; но, по-моему, он весьма добр, ибо переносит равнодушно все грубые личные оскорбления Георгия и Ксении, никому не мстит, а только грозит. Такой человек весьма неопасен; он глуп просто. Итак, нет действия героического; а из того следует, что нет и характеров героических. Еще вопрос: есть ли по крайней мере *какие-нибудь* характеры? Когда под характером разуметь должно особенные отличительные черты одного человека, то в некоторых отношениях можно показать различия между лицами сей трагедии: Дмитрий не похож на Георгия, на Шуйского, на Пармена, и каждое лицо также. Но когда под характером разуметь то, что всего важнее: постоянный образ действия, мыслей, поступков, одним словом поведение героя трагического, то сия пьеса не имеет почти ни одного характера.

Что такое Пармен? Не знаю. Надобно думать, что он весьма приближенный человек к Самозванцу, ибо говорит ему всегда открыто и смело, и тот слушает терпеливо его укоры. Между тем нет ни одного места, где бы он показал ему

свое настоящее усердие и верность; равномерно нет также ни одного признака и измены его, или приверженности к противной стороне. Он уговаривает Димитрия часто, ободряет надеждою на милосердие божие, советует, философствует, но без всякого действия против него или за него. Кажется в тайне он сам желал и низвержения тирана. Он говорит Ксении:

В неутолимых сих пребуди ты слезах!

Соделай, боже, то, чего хочу и чаю!

Или в другом месте:

Потщусь от варварства супругу обречь!

Он начал драму и он оканчивает. Вбежав с обнаженным мечом к Димитрию и исторгнув из рук его Ксению, грозно вещает тирану:

Прошли уже твои жестокости и грозы!
Избавлен наш народ смертей, гонений, ран.
Нестрашен никому в бессилии тиран!

Кажется, сии слова не показывают в нем и врага общественного; а между тем со всею жестокостью исполнял он повеления тирана. Даже неизвестно, как он сам почитал Димитрия — самозванцем или законным наследником престола. Вот его слова:

Когда тебя судьба на трон твой возвела,
Не род, но царские потребны нам дела.
Когда б не царствовал в России ты *злонравно*,
Димитрий ты иль нет, сие народу равно.

Он не выставлен нигде и патриотом русским. Шуйский ему не доверяет, и он не имел участия в заговоре. Пойдем далее. Шуйский скрытный неприятель Димитрия. Он притворяется пред ним каждую минуту и к тому же принуждает Ксению и Георгия. В одних и тех же царских палатах он и ругает Самозванца, и льстит ему; но, впрочем, не видно ни одного предприятия, ни одного движения, ни одной мысли к низвержению тирана; даже нам ничего неизвестно до самого третьего акта, где по отшествии Пармена говорит сам с собою Шуйский:

Лукавству ты иль нет, Димитрий мной *увянет*,
Низвержется, падет, падет и не восстанет.
Когда умрети рок велит, умереть хочу,
Но на Димитрия весь город возмущу.
Спасу престольный град, отечество избавлю.
Умру, но имени бессмертие оставлю.
Почтен герой, врага который победит,
Но кто отечество от ига свободит,
И победителя почтенный многократно,
За общество умереть и хвально и приятно.

До сего времени он был истинно загадкою. Теперь мы его знаем, но все не видим никакого *действия*. Лъстивость и угодливость его пред тираном даже до излишества простерта: он так явно и дерзко обманывает Лжедмитрия, что хитрость его перестает быть хитростью или политическим средством; он так унижается, что нарушает все приличия сана своего...

...Деятельность каждого лица имеет два средства показать себя: слова и поступки. Шуйский не сказывает и не объясняет поступков ни своих собственных, ни своих соучастников; что же может быть в развязке занимательного для зрителя? Не знаю и его характера, ибо не вижу, как он действует, не вижу ума, ловкости, силы, влияния его на общее мнение. Вообще нет ничего особенного, важного, чем отличалось бы сие главное действующее лицо; тем более жаль этого, что, кажется, Димитрий его боялся. В нем виден только человек, который ожидал, что другие сделают в его пользу, а сам пребывал в покое. В одном этом характере он выдержан *точно* от начала до конца: везде ровен, то есть везде незанимателен.

Ксения и Георгий— дети, водимые на помочах. По молодости своей они иногда спотыкались, падали и убивали себя. Тот и другая по вольности, позволенной детям, говорят ужасные грубости и ругательства тирану *милосердному*, иногда философствуют, иногда сердятся, ласкают друг друга, но всегда остаются при своем; вся от них польза не для зрителей, но для автора та, что они милым пастушеским или ребяческим своим болтаньем наполняют пять актов. Должно, впрочем, заметить и то, что эпизод любви Ксении и Георгия, занимающий почти всю трагедию от начала до конца, вставленный, кажется, с намерением для произведения завязки и развязки, совсем не имеет влияния на главное действие. Надобно было показать, что прежняя супруга действительно отослана от двора или умерщвлена тираном, что первый вельможа и князь Шуйский оскорблен был требованием дочери своей в супруги Лжедмитрию, или что, не в силах будучи противиться тирану, он выжидал случая. Впрочем, и эти способы не трагические, а *комические*. Что теперь трагедия Димитрий самозванец? Степан и Анята, дочь богатого крестьянина, любят друг друга. Бурмистр сластолюбивый, сильный и глупый, полюбил девушку, он требует руки ее у отца и угрожает солдатством и пытками любовнику, отцу и девушке. Но кстати случилось: крестьяне озлобленные, без всякого со стороны обиженных внушения, ожесточились и довели его до того, что он сам себя зарезал, не дождавшись законами положенной казни. Сколько опер русских, французских, немецких, из которых, кажется, взял свое содержание Сумароков для Димитрия самозванца! Иного источника не нашел он. Я говорю, *точно* взял, ибо история не представ-

ляет нам Ксении, дочери Шуйского; но Ксения была, по свидетельству историков, дочь Годунова, прелестная, одаренная всеми достоинствами телесными и душевными. Не знаю, для чего Сумароков выдумал сию Ксению? Пусть бы для того, чтобы Шуйскому посредством брака приобрести способ приближаться к трону, чему видим мы весьма многие примеры в честолюбивых вельможах. Здесь совсем противное. Шуйской не хотел выдать своей дочери за Лжедмитрия и не употреблял в этом перевороте дочь свою орудием к достижению своей цели, ибо все делалось за кулисами и не зависело нимало от сей любви; и кончился сей заговор с успехом совершенно по другим причинам, для нас сокрытым. Вы читаете довольно странный стих Ксении: *избавь Россию мной, о небо правосудно!* (М. Г.), видевшие и читавшие сию пьесу, скажите, каким образом спасла Россию Ксения, и как любовь ее способствовала спасению царства в лице отца, любовника и в ней самой? После того еще спрашивается: для чего же любовь сия? Но отнимите ее, что останется в трагедии? В ответе можно представить здесь только два стиха человека сумасшедшего:

Поди душа во ад и буди вечно пленна!
Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!

Не привожу стихов из ролей Ксении и Георгия. Есть хорошие и довольно много; но они не у места, или неприличны, или не имеют относительной степени благородства, или, наконец, не определяют лица действующего. Ксения говорит в одном месте:

Почтенней на торгу с Георгием умереть,
Как со Димитрием себя на троне зреть.

Георгий иногда вспыхивает в своем характере, но всегда без намерения постоянного и последствий.

Сколько сии роли ни слабы, ни уродливы, ни малозначительны, однако все они без всякого сомнения лучше роли Димитрия, которого, признаюсь, описать я силы не имею. Не знаю, что хотел представить в нем автор; недоумеваю, какое чувство к нему хотел возбудить в зрителях. В нем все склеено несообразное и противоположное в природе. Явная ненависть и удивительно снисходительное терпение, подозрительность и беспечность, могущество и бессилие, раскаяние и стремление к новым злодеяниям, алчба к пролитию крови и нерешимость, какая-то набожность, кажется, чувствующая всю черноту души своей и готовность злодействовать вновь, сластолюбие и холодность самая бездейственная, пылкость и спокойствие удивительное, ярость и равнодушие, гордость и терпение ругательств и озлоблений чувствительнейших — все это одето в глупость, тупоумие, фанфаронство, в бессилие, в характере последнего слепотствующего человека: вот летарги-

ческий, нескладный состав Дмитрия душевно и телесно. Он любит поляков, как своих защитников и друзей, и между тем нет при нем ни одного поляка в самой крайности его положения. Он сердился и грозил только, пока, наконец, сам собою отправился на тот свет. В нем есть что-то хаотическое, без намерения, без движения, без сил, без жизни. Желал бы я весьма угадать мысль Сумарокова при составлении сего чудовища; но догадки мои останутся тщетными. Иногда, кажется, он хотел сделать его презрительным, но этого мало для трагедии: презрительное лицо не есть трагическое; иногда усиливался возбудить к нему ненависть, но ненависть возбуждается не словами, а поступками, а в целой трагедии он не сделал ни шагу ни тайно, ни явно; иногда, кажется, хотел показать оттенки его прежнего звания и привычек, не могущих сокрыться и под царственную, похищенную им порфирию. Он безпрестанно говорит о небе, геенне, муках, о гневе божьем, о том, что он лишен всякого помилования в сем и будущем веке, но что значат сии слова сами по себе? Бессовестный ростовщик, крестьясь и молясь, меня грабит; но так и быть, по крайней мере уже грабит! Дмитрий ничего не делает. Он хочет под окнами своими вешать Шуйского и Георгия, а в его чертогах уже бунт! Он в иступлении кричит страже:

Беги! куда бежать?

Он сам себе говорит:

Люблю себя. За что? того не вижу.

И сие иступление угасло вместе с словами! В первом еще акте догадывался он, что *мятеж от Шуйского*, а не принял никаких мер; он спал в самый тот час, когда уже весь Кремль был в движении и в комнаты его вторгся народ, справедливо негодующий. Он любил Ксению, и только бранился с соперником своим Георгием, довольствуясь одними ругательствами:

Внемли и ты, и ты, Георгий, то внемли:
Вы — ползаящая тварь и червь на земли.

Он утешается в своей печали, но чем утешается? И этого сказать нельзя. Когда Ксения разбранила его ужасным образом, он говорит отцу:

*Смягчает мя любви желаемая сладость.
Как я ее люблю, хоть я о ней стонал,
Я то до сих минут еще непрямо знал.*

...Ради бога, объясните мне, какой имеет характер Дмитрий? или паче уверьте меня, что его можно было выставить на сцену! Надобно думать, Сумароков чувствовал и сам, что

сие лицо или совсем непредставительное, или такое, которое показывается с особым намерением: непосредственно и прямо для возбуждения отвращения. В самом деле, как представлять злодея отринутого, проклипаемого церковью и народом,—представлять на сцене, удовольствию сладостному посвященной? Такие лица не принадлежат драме. Представив Лжедмитрия в лучшем виде, автор погрешил бы против общего мнения; представив таким, каков он теперь, непростительно погрешил трагик против правил поэзии. В том и другом случае содержание сие не способно для трагедии. Но довольно, я утомляю вас сими несчастными выписками. При соединим вдобавок, что в целой пьесе, как и должно быть после всего нами объясненного, нет ни малейшего вероятия, ни ходу: этого теперь уже и доказывать не нужно. Итак, осталось в трагедии, может быть, одно только стихотворство, более обработанное нежели в прочих драмах. Легко может стать, что я ошибаюсь; но скажу откровенно, что других достоинств в сей трагедии не вижу. Еще повторю: нельзя удивиться, чему обязана сия пьеса блистательными и продолжительными своими успехами!